

Одра Грэм
Теории
для Мерилин

VH1H
EDTH

18+

Одра Грэм Георгины для Мерилин

<https://litres.ru/74640169>

SelfPub; 2026

Аннотация

Винсенту тридцать два, он писатель-меланхолик и терпеть не может научный прогресс. Вся его жизнь меняется, когда сестра дарит ему синтетика — человекоподобного робота-помощника. Вслед за неприязнью следует смирение, а затем и шок, потому что, казалось бы, неживая машина, прозванная Эдит, оказывается самым настоящим человеком с одной трагической особенностью — она не знает о своей истинной природе.

Содержание

К читателю	4
Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Одра Грэм

Георгины для Мэрилин

К читателю

Дорогой друг, в наше время, когда удивить чем-то новым довольно сложно, я осознанно беру на себя смелость заговорить о том, что перестало быть откровением еще много лет назад.

Мир не стоит на месте, и искусство вторит своему времени, вбирая в себя волнующие его проблемы. Кинематограф, мультипликация, интерактивное искусство и литературные произведения полны историй о чувствующих синтетиках, андроидах и роботах, непризнанных обществом на официальном уровне, и мне, как человеку, добровольно притронувшемуся к такой, казалось бы, набившей оскомину теме, хочется вставить пояснительную ремарку. В этой истории Вы не увидите выведенной на глобальный уровень проблемы взаимоотношений человека и его нанотворения, вы не увидите людей-андроидов, толпой бегущих отвоевывать себе права, или погонь на летающих машинах из разряда фантастики. История совсем не об этом. Ее масштаб уже, чем можно себе представить, и шире, если говорить об изображении человека как обыкновенной единице нашего вида.

Конечно, речь идет об Эдит. Ее отличительной чертой является то, что ее никогда нельзя увидеть целиком. Я не единожды пыталась уловить ее четкий образ, проникнуть в ее голову и выудить что-то, что сделает ее более понятной и легкой для стороннего восприятия, но вовремя остановилась и прекратила поиски. Она тот персонаж, который должен быть на виду, но при этом частично запечатан для нас в попытке до конца его постичь. Как ни странно, это делает главным героем именно ее. Если хотите, это делает ее главным героем наравне с Винсентом, который на протяжении всей книги является самой достоверной для нас призмой восприятия, приоткрытым окошком, позволяющим нам видеть Эдит насколько это возможно кристально, пускай и с толикой, как признается сам Винсент, «справедливого субъективизма». И вот тут начинается Ваша важная роль, дорогой читатель. Она действительно важна, потому что Вы решаете для себя, кто такая Эдит, Вы участвуете в окончательном ее «становлении», помогаете обрести деталями, которые можете увидеть только Вы, помогаете ей быть, точно так же как я когда-то помогла — родиться. Это наш совместный, коллективный труд, хотите Вы того или нет.

Я сочла нужным создать с Вами этот первый, пробный контакт во избежание неоправданных ожиданий, и если Вы готовы идти с героями рука об руку в этом просторном меланхоличном путешествии, то я буду ждать Вас на последней странице.

Глава первая

«До Эдема было рукой подать. В подрагивании устало смежающихся век — миллисекунда, в появлении нужного образа перед глазами — чуть больше. И вот он здесь».

Обладая неслабым поэтическим дарованием, Винсент мог только в простых словах описать ввевшуюся в изнанку век картину, не прибегая к излишним прозаическим опусам: «всегда было дерево». Именно так. Ростом всего шестнадцать футов, с густой копной вечно зеленых листьев и крепким запахом старой древесины. Оно было не слишком высоким, но невероятно большим в том смысле, когда придаешь какой-нибудь маленькой вещи несоразмерно большое значение. Винсент просто знал, что, когда закроет глаза, обязательно проложит мысленный путь по каждому листу, по каждой ветке, пока по трещинкам не спустится почти к самому низу, где было самое важное. Там была история. Целая история о том, что было, о том, как надо было, и о том, как могло быть, но улыбка у нее такая, что все эти условные «если бы» забывались непростительно быстро для него.

Возвращаясь назад, он чувствовал один и тот же привкус момента, когда силуэты, лица, события бликовали где-то совсем рядом знакомым оттенком присутствия. Для Винсента этот оттенок разбивался на сотни других, в сотни дней и мгновений с одним общим лейтмотивом гремучей ме-

ланхолии, которому он с покаянным терпением предавался. Его история жила во вчерашнем дне, улыбалась, дурачилась, незримо тосковала и, при всей неприхотливости к жизни, смотрела на него прихотливо и умно. Сейчас она жила у Винсента под придиричивым пером. Он трясся над каждой буквой и скрупулезно менял витиеватое мастерство слова на простую суть, где это было необходимо. И, хотя не видя в своих попытках передать суть ничего, кроме потуг, он знал, как непреложную истину, что есть такие истории, которые должны быть рассказаны.

Неожиданно для себя в один день Винсент, как назло, споткнулся о черту той губительной добропорядочности, которая диктует быть в высшей степени *poli**, и, как следствие, принял щедрый подарок от своей сестры. Первое воспоминание о том дне — покачивающийся на ухабинах фургон службы доставки, который он наблюдал через зеркало заднего вида; следующее — собственный скептический взгляд в сторону «подарка» на протяжении двух дней, потому что иногда в сердце закрадывалась абсурдная радость того, что этот подарок хотя бы не смотрит на него.

Сестра, его милая Тесса, насмотревшись всяких телепередач наподобие «Век полезных технологий» и «В ногу со временем» и будучи обладательницей плоского юмора, но сметливого ума, в худшем случае называла Винсента издержкой общества; в лучшем же закатывала глаза, прячась за единственным атавизмом, который могла себе позволить, учиты-

вая ее тягу ко всему новаторскому, — за еженедельной газетой, которую обязательно читала, когда приходила к нему в гости. И она — о, чудо! — не выискивала новости про очередную новую модель синтетиков, а с головой зарывалась в рубрику о культуре и искусстве.

Как «издержка современного общества», Винсент мог даже не утруждаться в объяснении своего отношения к синтетикам: ему было достаточно просто того факта, что он их на дух не переносил.

У всех были одинаковые лица. У всех до единого. Они выходили из-под одного «принтера», и закрепленная на молекулярном уровне бездушность объединяла их, вне зависимости от размера губ, носа, цвета кожи и параметров тела. Они разные и одновременно одинаковые. Винсент никогда не перепутал бы их с людьми.

Широкий коридор посещенного им в первый и последний раз магазина-склада изображал собой бесконечную даль. Винсент помнил, что там пахло густой стерильностью с легким разбавлением цветочного шипра, шлейфом тянувшегося за уходящей покупательницей, и что синтетиков там было прискорбно много. Выстроенные в несколько рядов, они вполне могли составить небольшое, но безропотное войско с опрятно сотканной бирюзовой формой вместо экипировки и неосмысленно пальпирующим взглядом вместо оружия. Новоприбывшую партию на глазах посетителей подвергали показательному осмотру (и коммерчески продуманному, надо

сказать): включали, выключали, заставляли совершать набор стандартных действий, проверяли на наличие дефектов.

Винсент испытал ровно то удовольствие от своего пребывания там, какое испытывал, когда чесал зудящую коленку.

— Чек, инструкция по применению и дополнительные инструменты будут лежать в коробке. С этого дня вы полный и законный владелец синтетика. Ознакомьтесь с вашими правами на использование здесь. — Консультант протянул ему документы. — Если вы заметите производственный дефект или товар испортится непосредственно во время эксплуатации, вызовите мастера из нашей компании, и тогда он либо починит объект, либо отправит его на утилизацию. Гарантия три года. У вас есть какие-нибудь вопросы?

И он сказал тогда:

— У меня нет вопросов.

Тесса ждала его возле дома — жутко довольная и сияющая. Ей не терпелось узнать, понравился ли ему ее подарок, и наконец услышать, как его полное скептицизма отношение к синтетикам звонко треснет. Это было несколько наивно с ее стороны: всех их Винсент видел только в общей керосиновой яме, имея все основания испытывать неприязнь, как каждый третий член пока еще относительно здорового общества.

Тесса с жадным восторгом следила, как грузчики заносили огромную коробку в дом. Она с самого начала не скрывала, что просто ткнула пальцем наугад, когда выбирала «со-

держимое», и за подобное самовольство никогда не извинилась бы, потому что считала своим долгом направить Винсента на путь истинный, прибегая к одной и той же метафоре:

— Не надо путать домашний очаг и помойку только потому, что они оба представляют собой абстракцию вместимости.

Винсент не видел значительной разницы в том, кто будет вылизывать полы, мыть посуду и протирать пыль, однако же наем уборщицы, попахивающий непростительной сейчас старомодностью, был более предпочтительным вариантом. Сущий стереотип, что все писатели до жути неопрятны и неповоротливы в бытовых делах, не мог откуда-то взяться безосновательно. Винсент всегда считал: «мой дом — мое болото» — и то это была преувеличенная аллегория в сторону его скромного убранства, а еще для него была большая разница между домом человека с натурой ремесленника и человека с фатальной печатью творца, потому что у первого — и только у него — есть совершенно неповторимая — во всех смыслах — склонность к практичности, которая настолько «налегке», что даже почти пуста.

Они просидели на кухне около часа: поговорили немного о делах житейских, о новом издательстве, которое согласилось опубликовать Винсента, выдвинув при этом ряд трудновыполнимых условий. Погоня за интересом среднестатистического читателя для первого была удачей, для второго же —

затягивающейся петлей лассо; впрочем, прения обеих сторон несли свою правду. Все как обычно. Вдобавок ко всему последние несколько дней Винсент мог думать только о том, что глупо и, кажется, бесповоротно застрял на одной из страниц нового произведения. Он шел к этой странице по наклонной, еще с самого начала почувствовав, что что-то не так, но все равно упрямо продолжал писать, вместо того чтобы дать себе немного отдохнуть, переосмыслить. Очень часто получалось так, что думал он совсем не тогда, когда надо; и думал даже слишком усердно, загоняя себя в тупик, но избавиться от этого, даже набив шишки, возможно только кому-то очень и очень волевому.

Его тонкая, гиперчувствительная натура нуждалась в смене обстановки и еще в нескольких обрядовых мелочах. Конечно, здесь много самоиронии. В противном случае его театр абсурда лишился бы последних ноток беспечности. Он едва мог собраться с мыслями, если цвет бумаги и размер карандаша отличались от привычных стандартов!.. Смотрящая в корень проблемы Тесса уверяла, что настоящему полету мысли не важно, где ты и с кем ты, что он найдет свое выражение даже на старом пожелтевшем чеке. Иначе говоря, таким образом она намекала и упрекала его в чисто «винсентовском самобытном идиотизме», при котором — он никогда в этом не признается — преграда и излишнее напряжение извилин являлись взаимосвязанными. Винсент же просто называл это классическими муками творчества.

Тогда, в присутствии сестры, он был относительно спокоен. Из всех редких гостей дома она была самым приятным и полезным. Она умела отрезвлять, подливая в бокал еще вина.

— Давай же, я хочу, чтобы ты открыл! — почти торжественно заявила она перед уходом, опершись на коробку размером со шкаф, оставленную грузчиками в гостиной.

Канцелярский нож оказался слаб против трехслойного картона, поэтому пришлось применить садовые ножницы — вставить в неровную брешь от прошлой попытки, поднять под определенным углом, надавить... Тесса рядом чуть ли не прыгала от восторга.

Стеклопакетная кабина была заперта на замок. В прилагающейся небольшой коробке был ключ и прочие предметы непонятного назначения, но Винсент не торопился открывать. Сама мысль, что по его дому начнет ходить точнейшее подобие человека, не нагоняла ужас, но пробуждала давно устоявшийся принцип не быть как все те, кто предпочитает бесславное деградирование на диване перед телевизором, пока какая-то машина выполняет их поручения. Если бы это было преувеличением, все, может, было бы не так удручающе.

Тем не менее перед ними был результат тонко проделанной работы: разветвление едва заметных веноч на закрытых веках, витиеватым рисунком уходящее глубоко под кожу; классически строгие, безжизненно-неподвижные черты ли-

ца; черные волосы, собранные на затылке резинкой; расслабленно опущенные руки и, конечно же, неизменный костюм. Бледный спящий синтетик. Синтетик-девушка.

Винсент вздрогнул, представив, что перед ним стоит от-
лично отретушированная мумия, но постарался скрыть от-
вращение, потому что для Тессы это было действительно
важно.

Ключ в замке провернулся с легкостью, и кабина автома-
тически открылась.

— На затылке должна быть кнопка питания, — нетерпе-
ливо подсказала на ухо Тесса. — Или боишься?

— Еще чего, — фыркнул он и, нащупав уплотнение в ям-
ке на затылке, нажал.

Глаза синтетика плавно открылись. Подвижность механи-
ческих мышц придала лицу более живые тона: худые ще-
ки больше не выглядели незавершенной работой скульптора,
слишком остро точащего по камню, а губы неторопливо и,
как положено, приветливо разошлись в дежурной улыбке.

— Здравствуйте. Вас приветствует новейшее программ-
ное обеспечение компании SynthBeing. Хотите приступить
к настройкам или прослушать рекламное обращение компа-
нии?

— Ничего из этого, — ответил Винсент, отмахнув эту
официозную прелюдию, и вдруг понял, что не знает, что де-
лать дальше. — Имя у тебя есть?

— Меня зовут Y3582. Также за мной зарегистрировано

имя Эдит. Но вы можете звать меня так, как вам удобнее, сэр.

— Она просто прелесть! — не удержавшись, воскликнула Тесса. — Попроси ее что-нибудь сделать.

— Оставлю эту возможность тебе.

— Для моей окончательной авторизации первое указание должно быть получено от того, кто значится в моей системе как владелец. Мой владелец — Винсент Энтони Эйнем.

Винсент закатил глаза. С таким же занудством ему надиктовывали лекции в колледже.

— Ладно, порадуй мою сестру... — Он неопределенно взмахнул рукой. — Чашкой чая.

— Да, сэр.

Осанка синтетика была идеальной, походка — неспешной. Хорошо, что она не издавала при ходьбе механических «вжиков», каких все успели наслушаться лет пять тому назад, когда еще не было синтетиков, но были роботы. Проект тогда только запускался, системы часто сбились, но люди все равно покупали себе этих болванчиков.

Синтетик Эдит сразу же нашла кухню. Она нажала кнопку на электрическом чайнике, достала из шкафчика чашку, пачку зеленого — за неимением черного — чая и вдруг обернулась с убийственно-спокойным выражением лица.

— Вы предпочитаете чай с сахаром или без сахара?

В общем, ничего другого от присутствия синтетика в своем доме Винсент не ожидал. Бессмысленное, раздражающе-безропотное приобретение.

Когда довольная Тесса ушла, он вернулся в кухню. Пару долгих секунд они с синтетиком молча смотрели друг на друга, словно приглядывались, а потом Винсент не выдержал и нажал кнопку питания. Чувство облегчения не заставило себя долго ждать.

У Винсента было много дел и скучная жизнь. Иногда он читал лекции в университете искусств, иногда переводил тексты с французского для одного унылого сайта, иногда редактировал чужие работы. Он никогда не заблуждался на счет того, что якобы умственной деятельностью зарабатывать легче, чем физической, но ничего другого он не умел. Сначала слагал глупые анакреонтические стишки на школьных партах, за что нередко становился ожидаемым гостем в кабинете директора; чуть позже понял, насколько захватывающе само понятие художественной реальности и тщательно ее создания — и уже в семнадцать писал первые более-менее осмысленные рассказы, грешащие стилистической избыточностью, а в двадцать один уже осознанно начал жить этим. Но он признал, что количество всех его произведений и опыта все равно не привело к пониманию: у него скучная жизнь, потому что всего себя посвящал выдумке, или он занимался выдумкой, потому что у него скучная жизнь? Наверное, все же была где-то золотая середина, служащая балансом в этом двоимирии, только она ничего не значила. Винсент давно смирился, что, даже лежа на смертном одре, он будет покорно водить карандашом по листу бумаги, пото-

му что необъяснимый порыв, который скупой прозвали жаждой творчества, перерос стадию обыкновенной идеи-фикс и — иногда казалось — существовал отдельно от него, если не над ним, диктуя свою волю. Ему было достаточно легко принять, что у него, как у большинства писателей, натура, склонная к садомазохизму; сложнее было принять тот факт, что осознанно он писал ради редких проблесков, но в итоге принял и это. Можно справедливо сказать, что Винсент жил как на пороховой бочке, и это вполне себе нормально — дело привычки.

За печатную машинку он садился чаще, чем за обеденный стол. Старушка досталась ему от отца и уже несколько раз ломалась. Он готов был чинить ее столько, сколько потребуется, лишь бы не покупать бездушную новую или, что еще хуже, работать за компьютером, к которому прибегал в очень редких случаях. Печатная машинка помнила каждое нажатие, каждую страницу, хранила на корпусе вмятину, полученную во время переезда из Иллинойса в Мичиган, и продолговатую царапину — он однажды в припадке особенно сильного отчаяния спихнул ее со стола.

Любимый вид бумаги — немного шероховатый, с оттенком желтизны — и полутвердые карандаши хранились в ящике стола. Для их использования тоже нужен был особый случай, и чаще всего Винсент творил с их помощью, когда выезжал за город, в свой персональный райский уголок, где звук мотора ни одной машины, кроме его собственной, не

мог разрушить священного покоя и уединения.

Он радовался, что ему повезло быть воспитанным на прежних нравах и той самой старомодности, за которые его частенько называли ханжой. Родители считали более правильным отправить их с сестрой в дорогой туристический лагерь, чем дарить навороченные гаджеты. У них все же было настоящее детство с разбитыми коленками, драками, шумными компанейскими играми и чисто мальчишескими проказами. А уж сколько раз его ловили с пакетиком орешков или мелких камушков возле выхлопной трубы какой-нибудь машины — не сосчитать.

Винсент признавал за собой категоричность в отношении синтетиков, а также признавал, что можно использовать их... скажем, раз в две недели. Но не постоянно. Он снова подумал об этом, когда впопыхах собирался на лекцию после бессонной ночи работы за машинкой. Ему срочно нужен был кофе.

Синтетик пылилась в своей кабинке дня два. После небольшого спора с самим собой Винсент все-таки включил Эдит и раньше, чем та произнесла бы глупое приветствие, велел:

— Сделай мне кофе без сахара. И быстрее — я опаздываю.

Вместо обычного «Да, сэр» на этот раз синтетик только медленно кивнула. Над новыми моделями хорошо потрудились, потому что предыдущие были слишком занудными. С каждым годом их пытались сделать максимально прибли-

женными к людям по поведению для создания комфорта и уюта. Они могли есть — только непонятно зачем — и мыться. Над внешностью вообще была произведена колоссальная работа — они были идентичны людям во всем, что касалось «оболочки».

Винсент в три глотка поглотил эспрессо, обжег язык, выругался и пулей вылетел из дома. На лекцию он опоздал на добрых десять минут, но волновало его другое: перед уходом он забыл выключить Эдит.

Домой получилось вернуться только во второй половине дня. Винсент совершенно не опасался возможной маленькой революции в своих апартаментах, как любят показывать во всяких триллерах про роботов, но и что синтетик будет стоять на том же месте, где ее оставили, — тоже не ожидал.

Винсент снял пиджак и специально прошел мимо неподвижного тела.

Реакция не заставила себя ждать — темные зрачки проследили движение.

Винсент скривился.

— Ты что, стояла так все это время?

— Да, сэр. — Синтетик отмерла. — Я не получала дальнейших указаний.

— Почему ты не вошла в спящий режим? Или как это у вас там называется.

— Эта функция отсутствует в моей модели.

Монотонная интонация и безэмоциональное лицо начали

утомлять, поэтому он выключил Эдит сразу же, как только та по приказу вошла в свою кабинку.

В следующий раз он включил ее, когда срочно нужно было провести небольшую косметическую уборку: группа студентов слезно просили разрешения зайти за набросками лекций. В итоге они даже внутрь не вошли, однако нужно было подстраховаться. Винсент вообще не любил принимать гостей, кроме сестры или, за редкими исключениями, сестры и ее мужа.

Он потянулся уже было к кнопке на затылке под привычно ничего не выражающим взглядом синтетика, но помедлил... и передумал. В конце концов, всегда проще позвать, чем сначала включать, а потом уже доносить свои желания. Это был плевок в сторону своих же принципов, хотя, с другой стороны, он обещал себе, что эта ходячая бледнолицая машина его не избалует. Винсент по-прежнему терпеть не мог синтетиков.

— Синоним к слову «скупой». Синоним к слову «скупой»... — В один вечер, сидя за печатной машинкой, он познал почти критическое отчаяние, какое часто случалось с ним в последнее время. Он, по сути, ни к кому не обращался, как это бывало во время подобных мук, а просто устало бормотал себе под нос и не ожидал, что прибирающаяся неподалеку Эдит воспримет это как призыв о помощи.

— Жадный, скарედный, алчный. Хотите, чтобы я посмотрела по контексту, сэр?

Но Винсент уже не слышал. Только громко шелкали пожелтевшие от времени клавиши.

*Poli — вежливый, учтивый (*фр.*).

Глава вторая

Винсент начал доверять своей сестре еще до того, как стал страдать типичной подростковой графоманией. Если исключить сантименты, то Тесса заслужила это доверие. В детстве Винсенту доставалось от нее чаще, чем от родителей. Доставалось не потому, что старшие всегда издеваются над младшими в порядке семейной дедовщины, а потому что именно ее «кнуты» в воспитательном процессе имели успех. И если Тесса говорила «все, что ты написал — полная чушь», значит, это правда.

При последней встрече Тесса начала объяснять ему крайне деликатным и тактичным тоном причины своего недовольства, используя немислимо аккуратные и профессиональные фразы. Так было сначала.

— Переписать пятнадцать страниц? — Винсент готов был нервно засмеяться, но оставил жалость к себе на потом.

Наконец, потеряв терпение, она высказала ему со всем своим обескураживающим филфаковским красноречием и даже не запнулась:

— Тебя никто не заставляет выдавливать из себя строчки. Поверь мне, Винсент, твой кризис отлично видно в тексте. Если ты так устал, возьми перерыв, а не заставляй меня проверять этот бред, потому что у меня много дел и семья, чего не скажешь о тебе. Мне стыдно напоминать тебе в твои

тридцать два, что людям нужны хоть какие-то отношения. Хотя погоди, это тебе должно быть стыдно.

Будучи достаточно сноровистым в трактовке сестриных жалоб в свою сторону, Винсент отчетливо увидел параллель между сказанным ею и советом развеяться и пару дней просто побыть человеком, а не пишущей машинкой.

— Тебя никто не торопит, — смягчилась она. — А из-за Сенбера даже не стоит волноваться. Ты выше того, чтобы играть с ним в гонки.

Так вот, Винсент доверял сестре и ее мнению — но это не значит, что он поступал так, как она говорила.

Предаться приятным порокам совсем не зазорно. Все вокруг находят в этом отдых и утешение. Винсент рад был бы завалиться на диване, объесться жирных бутербродов, забыть про работу и, быть может, найти кого-то для приятного времяпровождения. На фоне всех этих «приземленностей» он боялся начать смотреть на по-настоящему важные дела сквозь пальцы.

С каждой секундой время уходило, и, как бы ни было неприятно ему признавать, но ему было необходимо следовать поставленным срокам. Лет десять назад Винсент спокойно отрешивался от так называемых дедлайнов. Тогда он писал не торопясь, вдумчиво проживая каждый миг и аккуратным почерком исписывая бумагу. Редко когда почерк становился неразборчивым и косым, как у дошкольника, — только в тех случаях, когда захлестывало чистейшее вдохно-

вание и когда подрагивающая в этом экстазе рука едва поспевала за мыслью. Теперь, если случалось писать на бумаге, его почерк был таким все чаще, но лишь потому, что Винсент часто был раздражен в горячке бесплодного творчества.

У него не было точки возврата. Он надеялся только, что какое-никакое, но наследие его мыслей не задохнется под пылью на забытых полках. Как вчерашний день он помнил, когда, восторженный своими первыми настоящими успехами, полный рвения, грандиозных планов и новых идей, прибежал к своему преподавателю в университете и был жестоко осажен. «Падение с небес на землю» было всего в шести словах и собственных трех злых слезинках: «Ты никогда не будешь великим писателем». Ошеломленный и возвышенный теми успехами, Винсент упал больно, но вовремя, чтобы потом не тешить себя самообманом. На своего профессора он не держал зла — в конце концов, тот просто дал понять одну простую вещь: все, что можно было сказать, уже сказано великими сотни лет назад, и глупо надеяться быть в их числе, когда живешь в то время, в которое каждый третий мнит себя писателем и при этом каждый второй из них опускает самовыражение до несусветной пошлости. «Представь, насколько ярким должен быть твой свет, чтобы пробиться через кучу нашумевшего мусора? Представь, насколько монументальным должно быть то, что ты пишешь. — Твердый взгляд преподавателя и стук его пальцев по рукописи перед ним возбудили тогда в Винсенте яростный, клокочущий

внутри протест, но он вынужден был молча слушать, упрямо сцепив зубы. — Даже если у тебя все сложится, тебя никогда не будут ставить наравне с Драйзером, Толстым или Оруэллом, будь твои тексты хоть в тысячу раз лучше. Для этого тебе нужно было родиться в другое время».

Наверное, как писателя в свое время Винсента определило именно то, что даже после этого он не бросил писать. Да и с чего бы? С того, что его имя никогда не будет нарицательным? Или с того, что тем самым не сможет потешить свое самолюбие? Тешить самолюбие — это не сюда. Тешить самолюбие — это куда-нибудь туда, где стремление продать свое лицо и имя важнее, чем стремление продать правду в страницах, — а это уже вопрос сверхзадачи. У Винсента с самого начала была только одна, и он даже немного гордился ее благородством, да и свой круг читателей он снискал — на удивление немаленький. У него уже были три успешные книги, но какие бы благородные цели ни вели его, они не обещали легкой мысли и легкой руки. Пропасть между мыслью и словом составляла все, если говорить сентиментально, несчастье. Винсент с завистью оглядывался на тот период, когда создавались прошлые его произведения: были и постоянные мытарства, и такие же бессонные ночи, и излишняя самокритика... Но все было как-то иначе. То, что казалось тогда бредом, сейчас казалось уже непостижимым оазисом. Исчезла легкость, ясность полета мысли. Винсент пребывал в таком состоянии уже пару лет с редкими проблесками во-

одушевления.

В последние дни он был особенно раздражен. Казалось, весь мир был настроен против него. Даже чертова синтетик дала сбой. Когда Винсент спросил, кто победил в последнем матче двух ведущих футбольных команд штата, ответом ему было монотонное:

— К сожалению, я не владею этой информацией.

Винсент не удержался и злобно съязвил:

— Может, ты вообще не знаешь, что это за команды?

— Я не владею этой информацией, сэр.

Блеск. Иногда казалось, что в магазине ему подсунули дефектную болванку. Винсент радовался только, что та нормально убирается по дому и стирает вещи.

Больше всего раздражало то, что Винсент не знал, чего хотел в подобные времена. Каждая мелочь вокруг въедалась в него и отзывалась исключительно аллергической реакцией.

Проведение открытых лекций в университете искусств остужало его. Безусловно, ему льстило, что некоторые студенты часто сбегали от других преподавателей по литературе, чтобы послушать его лекции. Сам он считал себя занудным рассказчиком, хотя все твердили, что его пары — полнейшее погружение в повествуемую эпоху, которым нередко заражались даже зеваки на последних рядах; в такие моменты аудитория окуналась в тишину, слишком волшебную, отдающуюся в ушах мягким звоном и ощущающуюся легким покалыванием на кончиках пальцев. Винсент даже немного

завидовал студентам, с благоговением вспоминая то время, когда он сам, юный и впечатлительный, только начинал открывать для себя новые миры, самую суть словесного искусства. В школьные годы он мало читал, даже, можно сказать, не читал принципиально — потому что заставляли. Традиционный максимализм. Потом же, в более поздние годы, его поразила и пленила мысль, что сила слова способна буквально на все.

Он помнил, как покорен был гомеровским гекзаметром; как отчего-то невзлюбил «Песнь о Роланде», как после прочтения «Потерянного Рая» захотел наступления Судного дня, потому что в очередной раз убедился, что люди — глубокое разочарование; помнил, как постоянно откладывал «Идиота», долго настраивал себя, а потом рыдал над ним, сам того не ожидая; как сокрушен он был неудачливой фатальностью Вийона и удивлен, что многие писатели времен Средневековья и Возрождения принимали сан священников. Эти первые яркие впечатления никогда больше не повторялись.

По приходу домой навеянное проведенной лекцией умиротворение улетучилось. Так часто случалось в последнее время, словно дом — только четыре стены и запертые в нем проблемы. Душа ныла, грудь разрывало непонятной тоской. Он несколько раз переходил из комнаты в комнату, ища относительного покоя, словно этот покой прятался от него по углам, гадливо дразнясь. В итоге он нашел себе временное

«пристанище» на кухне и — невольно — козла отпущения в лице синтетика. Честное слово, его вспыльчивость и не проснулась бы, если бы Эдит не принялась пылесосить прямо у него над ухом, задерживаясь на одном участке пола с дотошной тщательностью.

Винсент просто не выдержал.

— Прекрати, — а потом бессмысленно, но вежливо добавил: — Пожалуйста.

Гудение пылесоса тут же оборвалось.

— Вы уверены? Процесс уборки осуществлен не по всему периметру.

— Я уверен. Ты мешаешь мне думать.

— Простите, сэр.

Винсент закатил глаза.

— Прекрати ты уже со своим «сэр»!

— Хорошо, мистер Эйнем.

Винсент чуть не взвыл. Это просто невыносимо.

— Послушай, — немного успокоившись, сказал он. — Я не хочу слышать от тебя ни «сэр», ни «мистер Эйнем». Я просто хочу ощущать себя уютно в своем, черт возьми, доме и терпеть твоё пребывание здесь с меньшим моральным ущербом для себя. Ясно?

Синтетик затормозила, как провинившаяся школьница, которую отчитали, но лицо ее, конечно же, было бесстрастно. Винсент почти начал привыкать.

— Да.

— И распусти уже свой дурацкий хвостик.

Каждое их общение заканчивалось в таких тональностях. Синтетик просто попадалась под горячую руку. Ей так или иначе все равно — «все равно» заложено в ней рукой человека — но именно это показывало Винсента не с лучшей стороны перед самим же собой. Гневливый, легко воспламеняющийся от любой мелочи, готовый отыгаться даже на бездушной машине, которая не сделала ему ничего плохого. Вот он — апогей винсентовского неумения жить: он даже не мог нормально сосуществовать с синтетиком.

Они словно разговаривали на разных языках. Винсент понял это, когда надолго ушел из дома и снова забыл выключить Эдит. Та стояла на своем месте с закрытыми глазами. Веки на миллисекунду дернулись и распахнулись.

— Ты же сказала, что у тебя нет параметра автоматического сна.

— У меня нет данного параметра.

На это Винсент только махнул рукой.

Добросовестно следуя совету Тессы, он не садился за свою книгу несколько дней, полагая, что это поможет немного освежить мысли. В самый первый его творческий кризис Тесса буквально силой выдернула его из-за рабочего стола и на целую неделю переехала к нему, чтобы на корню обрубить даже малейшие поползновения к листам бумаги, говоря, что не искреннее желание писать делает его до бестолковости упрямым, а капризный гештальт, требующий свое-

го разрешения; у гештальта только одна цель — побыстрее закрыться, и неважно, каким способом. От писателя необходимо качество и — по возможности, конечно, — сбереженные нервы, поэтому один из самых, пожалуй, поучительных вкладов в Винсента в свое время сделала именно Тесса. Он не слушал ее тогда — давным-давно, но слушал сейчас и потому дал себе немного отдохнуть. По окончании этих дней он и правда почувствовал прилив сил. Вот налил чашку кофе, вот сел за печатную машинку, немного настроил себя на работу и уже занес пальцы над клавиатурой...

Любая пришедшая в голову фраза, будь она хоть сто раз отточена стилистически, казалась ему неестественной, не с тем эмоциональным окрасом, которого он хотел. Он даже не имел представления о том, что писать дальше, несмотря на то что сюжет тысячи раз был обдуман и проигран в голове четкими картинками вплоть до мизансцен. Все это произведение было каким-то не таким, и он садился за него, как за принудительную работу — вроде и нужно, а вроде так невыносимо утомительно. Но он уже начал: имелось сорок пять страниц текста на тему, которая, в общем-то, пора было признать, не интересовала его так сильно, как другие. Но он уже влез в эту игру, критики и конкуренты где-то там уже гаденько ухмыляются в ожидании, а уж некоторые из них — Харрисон Сенбер особенно — так и ждут, «когда же Энтони Эйнем даст повод смешать его с грязью».

Винсент сделал глоток кофе и закурил сигарету. Мысли

путались, он писал целые абзацы и снова комкал лист, писал и комкал, писал и комкал. Один из них прилетел прямо в застывшую на пороге Эдит. Синтетик сделала несколько шагов вперед.

— Курение в замкнутых пространствах может навредить вашему здоровью. Хотите, чтобы я открыла окно?

Винсент почти сосредоточился, а теперь вынужден был сжимать кружку в руках до побеления костяшек.

— Нет, не хочу, — сухо ответил он, не оборачиваясь. Синтетик замолчала. Наступила блаженная тишина.

— Вы выглядите грустным. В моем функционале есть развлекательный параметр.

Кулак, который с грохотом опустился на стол, прострелило болью.

— Поверь, сейчас я очень близок к тому, чтобы кинуть в тебя чем-нибудь тяжелым, — поняв, что подобные угрозы ничего для нее не значат, он попробовал донести свою мысль по-другому. — Мне не нужны твои развлекательные функции, ни сейчас, ни потом.

— Возможно, есть что-то другое, что я могу сделать для вас?

— Да, ты можешь, — взорвался Винсент окончательно, — ты можешь пойти и кинуться под машину и никогда больше не докучать мне.

Удивительно, но ему полегчало. Наконец он попытался вернуться к тому месту, на котором остановился. Он напе-

чтал одно слово. Только одно слово. В прихожей раздался звук открывающейся входной двери.

Внутри все похолодело. Не собиралась же она в самом деле...

Винсент рванул с места, опрокинув стул и оставив сигарету тлеть в пепельнице. Эдит уже спускалась по лестнице, и Винсент одернул ее за руку, резко развернув к себе.

— Ты что делаешь, мать твою?

— Я выполняю ваш приказ, — пугающе спокойно и невозмутимо ответила синтетик, — кинуться под машину и больше не докучать вам. — Ее глаза проследили за проехавшим мимо грузовиком. — Если вы хотите, чтобы приказ был исполнен как можно скорее, то вам не следует задерживать меня.

— Я. Отменяю. Этот. Приказ. Поняла?

Синтетик коротко кивнула головой.

— Я поняла.

Винсент облегченно выдохнул.

— Пошли в дом. — Он отпустил ее руку и запоздало понял, что так давно никого не касался, что кожа синтетики показалась ему теплой и приятной.

В своей излюбленной манере Винсент мог бы назвать ее тупой жестянкой или идиотом, воспринимающим все слишком буквально, но из них двоих идиотом был только он сам. Впрочем, на уколы совести не было времени. На днях ему подбросили одну французскую статейку, которую он должен

был перевести к концу недели. В список дел входило придумать план следующей лекции, встретиться с редактором одного из издательств, где уже публиковался, позвонить корректору из другого издательства и куча всего-всего прочего. Винсент делал это все ради себя, но в итоге как раз про себя он и забывал. Про себя, который не поверхностный и с приземленными нуждами, а про ту часть, что билась о ребра и ныла-ныла-ныла.

Сестра до сих пор звучала в голове сентенциозным тоном: «Мне стыдно напоминать тебе в твои тридцать два, что людям нужны хоть какие-то отношения. Хотя погоди, это тебе должно быть стыдно».

Винсент думал об этом, бесцельно сидя на диване в гостиной. Его приятно обдувало из приоткрытого окна. Свежий весенний воздух очищал мысли или, по меньшей мере, придавал тяжлым думамоттенюг легкости, а еще расслаблял ровно настолько, чтобы бессмысленное блуждание взгляда превратилось в блаженное расфокусированное созерцание, не задерживающееся на чем-либо слишком долго.

Рой пылинок в косом луче солнца летел к оконной щели, подгоняемый размеренными взмахами метелки. Эдит маячила перед ним, сосредоточенно орудуя пушистым свалаявшимся на одной стороне чудовищем, и делала это так плавно, что можно было бы перепутать запрограммированную старательность с медлительностью ленивца. Невольная демонстрация взмывающих, словно колдующих, рук и всплываю-

щих пылинок из-под фиолетово-белых ворсинок заставили Винсента прикипеть взглядом к синтетику и одновременно с этим застыдиться.

Он готов был отдать должное мастерам. Они задумали эту внешность идеальной: не для обложки журнала, но такой, на чью оригинальную тривиальность будешь смотреть и гадать, для чего она подошла бы. Отголоски художественно-картинной простоты таились в ровном матовом цвете лица, прямом носу, обыкновенном разрезе глаз, ярко очерченных губах, смоли закрученных волнообразных волос. Однотонная одежда болталась на ней, и это было кощунственно, пускай даже если ее тело лишь соединение механизмов и синтетических тканей. Тончайшее искусство биомеханики.

Вылившаяся в абсурдные мысли наблюдательность наслонилась поверх других паршивых признаков жизненного застоя, и однажды Винсент просто обнаружил себя необыкновенно рассеянным и отстраненным, просидевшим на одном месте без дела два часа кряду. Мимо проносились разные запахи: апельсиновое моющее средство, хлорка, аромат свеженарезанных овощей и томящейся на сковороде свинины. Мимо пронеслось и раздавшееся сквозь зубы шипение и грохот полетевшей с плиты посуды...

Только спустя долгие секунды Винсент понял. Опасливо и медленно, словно перед раскрытой пастью дикого зверя, он повернул голову на прижимающую к себе руку Эдит.

— Что это только что было?

Взгляд ясных глаз уставился прямо на Винсента в ответ.

— Я уронила сковородку, сэр.

Губы Винсента понятиливо сложились в букву «О». На самом деле он ничего не понимал.

— И почему же ты уронила ее?..

— Она обожгла меня.

На бледной руке, с тыльной стороны ладони и до ее ребра, расцветало покраснение, как нормальная реакция любого покрова на соприкосновение с чем-то очень горячим. Но дело было не в этом.

— Повтори.

Эдит выглядела как обычно, словно все это само собой разумеющееся.

— Я сказала, что она обожгла меня, сэр.

Во рту пересохло. Винсент нервно облизал губы. Он просидел в ступоре какое-то время, а потом вскочил со стула и подошел к синтетику, но уже не с такой уверенностью, с какой делал это раньше, словно шаг за шагом подступался к потенциальной угрозе.

— Что это значит?

— Это значит, что ожог нанес вред моим внешним тканям. Мне стало больно, и я выронила сковородку. Простите, сэр.

— Тебе больно? — переспросил Винсент.

— Да, сэр.

Винсент спокойно кивнул сам себе — «все нормально».

— Если хотите, я приготовлю курицу. Вы предпочтете филе или кры... — Дальше Винсент слушать не стал — в панике как можно быстрее нащупал на затылке синтетика кнопку и нажал. Его прошиб холодный пот.

Эдит просто нужно перезагрузить. Просто выключить и включить, как обычно и делают с компьютерами, выдавшими ошибку.

Винсент не был уверен, что его вообще стоило опять включать. Уверенность была только в том, что любопытство, какие бы плоды оно ни приносило, когда-нибудь сгубит его. И он нажал на кнопку снова.

—...ло.

Закончив давно начатую фразу, синтетик наконец опустила руку. Она ждала ответа, а Винсент, очевидно, у моря погоды, потому что не надеялся на объяснения, а самому подобрать нормальные слова казалось невозможным.

— Это какая-то шутка, да?

— О чем именно вы говорите, сэр?

Пытаясь собраться в горячке мыслей, Винсент даже не обратил внимание на давно вновь всплывшее откуда-то «сэр».

— Ты обыкновенная машина, — больше для самого себя сказал он тоном, пытающимся убедить. — Тебе не может быть больно.

— К сожалению, вы ошибаетесь, сэр. Если хотите, вы вольны убедиться в этом еще раз. Мои внешние ткани также чувствительны к таким острым предметам, как нож, иглолка,

лезвие...

— Прекрати. — Винсент оборвал еедвижением руки. — Ты не можешь ничего чувствовать. Что бы там за этим ни стояло — прекрати.

— Боюсь, я не понимаю вашего запроса.

— Все ты понимаешь, — раздраженно рыкнул Винсент. — Это сбой? Это функция подражания?

— Боюсь, я не понимаю вашего вопроса.

В последний момент, потянувшись к мобильному в кармане, Винсент передумал звонить сестре. Стараясь быть рассудительным и спокойным и не поддаваться на провокацию, даже будь это розыгрыш, он сел за стол.

— Присядь.

Эдит послушно пристроилась на стуле напротив него, сложив руки ладонями вниз. Винсент выдохнул.

— Послушай меня. Я понятия не имею, из чего именно вас делают, какие программы загружают, но я точно знаю, что вы не способны на эмоции, а тем более — на ощущения. Если одна из твоих функций — водить меня за нос, то тебе почти удалось это сделать. Объясни мне все и не заставляй теряться в догадках. Я хочу знать.

Со стороны могло показаться, что Эдит даже не слушала его путаную речь, а просто смотрела и спала наяву. Меняющие свой размер зрачки и механико-импульсные выбросы, заставляющие пальцы мелко дергаться, выдавали ее. Только синтетик почему-то молчала, когда обычно ее было не за-

ткнуть, и продолжала сидеть неподвижной куклой.

Тем временем Винсент уже сто раз успел окрестить себя шизофреником и с нервной усмешкой понял, что ему не ответят.

Он обреченно уронил голову на руки...

— Прикажите мне.

... и тут же выпрямился.

— Что приказать? — С надеждой он подался вперед.

— Прикажите мне сбросить заводские установки.

— Я приказываю, — сказал Винсент, оставив разумные решения на другой раз. — Приказываю тебе сбросить заводские установки.

Секундное расслабление, охватившее его, с трудом можно было назвать облегчением. Он напрягся в ожидании еще сильнее. Привычка барабанить пальцами в подобные моменты — и та отпала, и вместо постукиваний был слышен ход настенных часов. Тик-так. Тик-так. Винсент насчитал двадцать с того момента, как пытался отыскать взглядом хоть какие-то изменения. Если что-то и проскочило по безэмоциональному лицу, то совсем неуловимое. Синтетик смотрела прямо на него, и Винсент уже посчитал это гиблым делом — сейчас наверняка будет что-то вроде «извините, но я не поняла вашего запроса, сэр», или просто окажется, что она обнулила всю свою систему, но каково же было удивление Винсента, когда тело напротив резко откинулось на спинку стула, а из растянувшихся губ вырвалось напрочь лишнее

пиетета:

— Пожалуйста, не обижайся, но ты болван.

Винсент опешил. В этой путанице он не мог сосредоточиться на деталях, но видел картину целиком: непривычно расслабленная поза синтетика и словно другое лицо. Все это очень красноречиво, но жутко непонятно намекало о каких-то изменениях.

— Прости, что?..

Едва закончилось тихое немногословное предложение, синтетик уверенно пошла в наступление.

— А еще ты ужасно храпишь по ночам. И я просто терпеть не могу стирать твои носки.

На мгновение мир перевернулся с ног на голову, а потом опять встал на место. Теперь это был мир, где Винсент при всем своем богатом словарном запасе не мог выдать из себя и слова; где синтетик, до этого захватывающая мысли в крайнем случае два раза на дню, стала центром его внимания. Вдруг Эдит засмеялась. Коротко и внезапно. Так смеются люди какой-нибудь шутке с непредсказуемо искрометным концом.

— Прости, — все еще едва улыбаясь, сказала Эдит. — Просто давно мечтала сказать тебе это.

Улыбка, которую Винсент в растерянности сверлил глазами, отличалась от тех, какими синтетик улыбалась во время дежурных приветствий: тогда словно две ниточки приподнимали вверх уголки губ. Теперь же губы, приоткрытые и как

никогда подвижные, растягивались в стороны легко и до жути естественно.

Винсент собрался с мыслями и хотел было выдавить хоть что-нибудь, но Эдит будто решила выговориться на сто лет вперед.

— Знаешь, я с первого дня поняла, что ты не умеешь обращаться с синтетиками — без обид. Но за тобой интересно наблюдать. Однажды я простояла за твоей спиной целый час, а ты даже не заметил. Часто с тобой такое, когда садишься писать? — вдруг она остановилась, точно ляпнула что-то не то, но на самом деле они просто оба поняли, что Винсенту по праву полагается проронить хотя бы пару слов. — Что-то я слишком многословна. Такое бывает, когда вместо желаемого приходится произносить совсем не то.

О. Вот оно как.

— Сколько тебе лет? — Возможно, не самый лучший вопрос, когда стоило бы спросить про то, сколько ему заплатили за этот спектакль, потому что Винсент искренне уверовал в мощь нынешней актерской подготовки.

— Эй, я не подержанная! — с натуральным возмущением сообщила Эдит. — Но если тебе станет легче, то мне год с производства, а по вашим меркам где-то двадцать один. Или двадцать три. На самом деле не так уж и важно.

— Нет, это важно, — неожиданно для самого себя угрожающе отчеканил Винсент. — Это будет важно, когда я сдам тебя в полицейский участок за такие шутки.

— Я не виновата, что ты не умеешь со мной обращаться. Для таких случаев и существует инструкция. Хотя, знаешь, будь моя воля, я бы ее переписала. Не очень приятно делать и говорить не тем образом, каким хочется тебе. «Да, сэр!», «нет, сэр!» — скука дикая, если честно.

— У меня скоро взорвется голова, — сказал Винсент, решительно вставая со стула. — Я не намерен с тобой разбираться.

— Нет, не смей, — Эдит дернулась в сторону, когда Винсент потянулся к ее затылку. — Даже не думай. Это нече...

Только спустя минуту Винсент понял, что привычка за-тыкать ее способом принудительного завершения работы открыла ему не вписывающуюся в ситуацию истину — Эдит и правда отключилась.

Винсент выкурил сигарету. Потом еще одну. После этого он наконец додумался, что надо что-то сделать. Три раза прочерстил инструкцию, в которой отсутствие нужной информации убеждало в собственном сумасшествии; даже взялся за опасную бритву, чтобы удостовериться, что кровь у Эдит аквамаринового цвета, как и положено синтетикам, но в итоге стоял над ней полчаса и не смог сделать и самого маленького пореза на руке. Несколько раз его вердикт менялся, но самый окончательный все же казался самым правильным — синтетик. Сломанный синтетик.

Из инструкции он все же смог найти нечто полезное — в левом верхнем углу маленьким, почти миниатюрным, как

будто синтетики вообще не ломаются, шрифтом был написан телефон офиса мастеров.

Глава третья

Сначала человеческий гений неуемен, потом жаден. Потом наступает уже исторически сложившийся момент сожаления, и наступает он в лучшем случае, потому что изжить себя может многое, но человеческая привычка тщеславно возводить благодеяние в ранг собственных побед — никогда. Это фатальное, критическое противоречие, но оно отнюдь не мешало открывать новые грани и как бы ненароком при этом забывать, что сначала любую грань перешагивают. Забавное явление софистики: чтобы ответственность не пригрела себе место на павлинно-важном расправленном хребте, достаточно поменять лишь одно слово.

Подростком Винсент действительно боялся не узнать мир через несколько лет, но еще больше — не увидеть его. Мир развивался быстро, но, к счастью, все еще не потерял способность соображать и разграничивать табу «нельзя» от «категорически нельзя», и когда из тех самых пробирки и копировально-печатной машины появились синтетики, ненаучная, среднестатистическая часть населения вздохнула более-менее спокойно. Люди не перестали следовать своим привычкам, да даже хотя бы потому, что по небу еще не собирались летать машины и в киосках не продавались цифровые широкоформатные газеты, но синтетики стали своего рода шагом, после которого необходимо было остановиться и сказать се-

бе: «А теперь подумай несколько раз, прежде чем поднять ногу и сделать еще один». Винсенту достаточно было знать элементарнейшее строение биомеханического друга человека, из которого первые пятьдесят процентов — это искусственные ткани из пробирки, а вторые пятьдесят — болты, гайки и винтики, чтобы больше не интересоваться ничем из этого более подробно.

В комнате было тихо.

Винсенту казалось, что тяжелый и преющий от напряжения воздух застрял где-то в глотке и не шел дальше, не позволяя раздышаться.

Эдит нетерпеливо отбивала ногой по полу, пока игла мистера Атенхейма несколько мгновений скрывалась под истонченным покровом кубитально-локтевой.

Жизнь Винсента изменилась ровно несколько часов назад. Нет, не жизнь даже, а многие понятия, и это намного хуже, потому что перелом сознания в определенной степени считается болезненным процессом.

Он позвонил в SynthBeing сразу после того, как насильно свел уже устоявшееся восприятие к минимуму и вдруг, как в паршивой комедии, обнаружил, что худая грудь под безвкусной формой легонько и плавно вздымалась от циркулирующего дыхания. Он обнаружил еще много мелочей, вроде того, что ожог на руке Эдит от сковородки визуально ничем не отличался от человеческого, или что ее ногти и волосы слишком натуральны для высококачественной синтети-

ческой подделки. Поразительно, что Винсент вообще запомнил происходящее — он впервые пребывал в критическом недоумении, шоке и ужасе.

Парень, взявший трубку, — Итан — в ответ на сбивчивый рассказ только задумчиво помолчал с секунду и немного равнодушным голосом спросил адрес, мол, и не с такими, извините, «чайниками» приходилось сталкиваться.

Чемоданы ИтанаАтенхейма были похожи на дедовский пухлый багаж из семидесятых, под завязку набитый вещами. С порога он представился и сразу же спросил, где «больная». У них не было времени познакомиться получше, но, когда мастер увидел все воочию и с опаской уже отстранял пальцы от точки пульса на шее Эдит, не потребовалось никаких ментальных приятельственных связей, чтобы разделить друг с другом один-единственный железобетонный факт.

Эдит была неусидчивым, но терпеливым существом, при пробуждении продемонстрировавшим максимум непонимания и минимум морального сопротивления, и стучащим пальцами свободной руки по коленке, когда пустой шприц с иглой добрался-таки до ее вены.

— Стандартная проверка синтетиков, — с очевидно развитым актерским дарованием буднично пояснил мистер Атенхейм, но вид его никак не вязался с образом молодого уверенного профессионала, переступившего порог дома сорок пять минут назад.

— Неправда, — Эдит слегка поморщилась, когда к ко-

же прижался кусок ваты. Ее живая мимика первое время являлась объектом беззастенчивого внимания. — Думаю, не очень целесообразно дергать мастера из компании, когда можно было изучить инструкцию по эксплуатации внимательнее или хотя бы вообще открыть ее. Ничего личного, правда, — честно добавила она для Винсента.

Очень трудно было следовать договоренности о хотя бы временном неразглашении, особенно при виде того цвета, каким был наполнен шприц.

Винсент послал короткий, действительно панический взгляд Итану и на полпути был встречен таким же.

— Я попрошу тебя лечь на диван.

Процедура рентгена заняла скорее больше нервов, чем времени. Каждый раз, когда брови Итана сводились к переносице или взлетали вверх, Винсент порывался встать и посмотреть на экран ручного аппарата, но он не должен был подавать никаких признаков тревоги, потому что Эдит была спокойна и расслаблена — даже глаза прикрыла. Она не видела ни хмурых озадаченных лиц, ни переглядываний, не слышала беззвучного шепота переговаривавшихся губ, не чувствовала напряжения, и для Винсента это была своеобразная фора для поправленной уже несколько раз за день совести. Винсент отдавал себе отчет, что подобная скрытность оправдана, но не мог без содрогания сопоставить несовместимое и видеть, что живое существо — *живое существо* — послушно и открыто для происходящих манипуляций, ему

не предназначенных. Винсент уже ничего не знал наверняка и только наблюдал, но это не значит, что он не мог сложить два и два, и результаты ему уже не нравились. Они приводили его в ужас.

— Сейчас я задам тебе ряд вопросов, но это лишь стандарт.

— Просто проверка? — Эдит догадливо хмыкнула, одергивая вниз футболку.

— Именно. Итак. — Итан присел на край стола, держа ручку и блокнот, явно нервничая. — Номер твоей модели?

— Y3582.

— В чем отличие твоей модели от моделей других синтетиков?

— Все это не более чем коммерческий ход, не находите? Вероятно, я буду стоять дороже, пока на рынке не появится новая модель с каким-нибудь незначительным улучшением.

— И все же, — осторожно произнес мистер Атенхейм, — какие отличительные черты ты можешь назвать?

— Никаких. Я такой же синтетик, как и все остальные. Базовая модель.

— Хорошо. — Мелко царапающая блокнот ручка немного подрагивала в сведенных напряжением пальцах. — Из чего ты сделана?

— По человеческому образу и подобию. А так как вскрывать себя я не намерена, очень прошу поверить мне на слово. В ней был замечен задор: это были такие ненавязчиво

пестрящие искорки, которые на мгновение даже отвлекли Винсента и заставили его взглянуть на происходящее через какой-то легкий и оптимистичный сюр. Но это было недолго.

— Ответ должен быть точным.

— Меня вырастили в пробирке, вживили систему в черепную коробку. Все как обычно.

— Что, по-твоему, дает система?

— Я чувствую. — Она пожала плечами. — Испытываю... эмоции. Правда, я не уверена, хороша ли эта часть моего существования или нет. Система дает нам функционировать в принципе.

— Значит, ты считаешь, что без нее синтетики были бы просто телами? Как куклы?

— Я не считаю — я знаю. Любой синтетик будет отвечать вам почти то же самое, потому что мы уже проснулись с этой информацией.

Винсент был растерян до той степени, что скорее подсознательно, чем сознательно, предпочел игнорировать факт, что все это говорит человек. Эдит не выглядела помнившей о себе — себе настоящей — хоть что-то, и ее лицо, на которое Винсент с неопределенными чувствами смотрел, хранило на себе отпечаток тихого, зыбкого спокойствия, когда неважно, где ты: во сне или наяву — всяко хорошо.

— Что первое ты помнишь?

— Его сестру. — Эдит незамедлительно обратилась к Винсенту глазами. — В ее руке был договор дарения. Она

показалась мне очень милой женщиной, кстати говоря. Но не потому, что минутами ранее она тоже назвала меня милой, — добавила она, сама, должно быть, не заметив, что на мгновение пустилась в рассуждение. — Просто она производит впечатление человека, который знает, что делает.

Из всех поверхностных характеристик, которые можно отнести к самой Эдит, «бесчувственная машина» не занимала место ни под одним пунктом. И дело не в нечаянно продемонстрированной прозорливости, а в том, насколько крепки были в ней человеческая уверенность и непринужденность.

— Знаешь, Эдит... — Тонкая линия губ Итана стала еще скуднее в неловко-натужливой улыбке. — Пожалуйста, сварь нам по чашке кофе. Думаю, мистер Эйнем не будет против. Мы пока рассчитаемся.

Винсент не стал ждать, пока Эдит приступит, и ушел в комнату, прикрыв дверь тут же, как только Итан проследовал за ним. Он отвернул голову, пережал в ладони свои пальцы, сотрясаемые нервическим тиком. Он дышал так, словно только-только этому учился. Вдох-выдох. Вдох-всхлипы-выдох, вдох-выдох.

— Мистер Эйнем. — Итан подошел осторожно, заведомо выдав глазами все то, что собирался сказать. — Сейчас самое главное, что требуется от вас, — это успокоиться и не принимать поспешных решений, чтобы...

— Она сумасшедшая, да?

А может, это он, он, Винсент, сумасшедший и сейчас го-

тов принять любые выводы на веру, лишь бы не знать, не осознавать, не задумываться.

— Боюсь, это не совсем так... Точнее, совсем не так. Мистер Эйнем, чтобы вы понимали... — Он присел на краешек кровати, как бы показывая — вот так, вот так надо, без излишних беспокойств. — Я сам впервые встречаюсь с чем-то подобным. Для стопроцентных прогнозов требуется хирургическое вмешательство, но рентген показал достаточно, чтобы можно было говорить хоть о чем-то. Итак. — Он шумно вздохнул. — У нас есть человек, который, я полагаю, несанкционированно носит в себе производственные элементы корпорации. У нее селезенка искусственная, можете поверить? Она плод весьма продуманной в нашем случае биомеханики и, судя по всему, полностью взяла на себя кроветворную функцию, потому что красный костный мозг заметно поврежден и не справляется со своей задачей сам. Селезенка дает искусственную кровь, ее называют аквамарином, но очевидно, что она не вступает ни в какую пагубную реакцию с настоящей. Лиловый цвет, который мы видели при заборе в шприце — просто побочный эффект смешения. И конечности... В общем, с ее ногами что-то не так. Это требует больше времени, чем то, что у нас было сейчас. Но самое главное, — Итанна мгновение остановился, и Винсент недвижимо застыл от напора информации, — самое главное, в ее черепную коробку вживлена микрочиповая система. Она отвечает за свойственную синтетикам моторику

и речь, она отвечает за все, как она сама и сказала, но, видите ли, ее понятия... они полностью извращены. Взять хотя бы тот факт, что она считает себя синтетиком. Про остальное вообще не стоит упоминать.

Итан произносил вещи, совершенно фантастически-немыслимые вещи, которые представлялись до ужаса легко. Так, словно не нужно было никаких усилий, чтобы вообще представлять подобное, но Винсент знал, знал, что страшные вещи происходят лаконично, как факт, и никаких лишних слов не надо. Просто данность.

— Но это не должно быть чем-то законным. Не должно же, да?

— Конечно, нет! — горячно воскликнул мистер Атенхейм. — Более того, для начала, все это невозможно в принципе. По крайней мере, так мне казалось... И только потом уже незаконно. Мы не в фантастическом фильме, но факт эксперимента налицо. Мне сложно говорить еще что-либо кроме того, что эта девушка очень сильно заблуждается по поводу того, кто она есть на самом деле. Это влияние системы. Пытаться с этим что-то сделать — скользкая тропинка. Не пытаться — то же самое. Но я знаю одно: если все это всплывет, то ничего хорошего можно не ждать ни для нее, ни для вас, ни для компании, а компания в первую очередь насядет на вас, потому что на нее насядет все ученое сообщество и правоохранительные органы. Пойдет шумиха, выяснение деталей, многие потеряют работу, нервы, возмож-

но, даже и жизни, поэтому... Между собой делайте что хотите, но обнародование даже из альтруизма именно на данном этапе может повлечь последствия. Для девушки в том числе. Особенно для нее.

С гримасой искреннего непонимания Винсент вскочил и на первых возмущенных кричащих нотах вовремя успел понизить голос.

— Вы предлагаете мне оставить ее у себя и делать вид, что всего этого не было?..

— Я предлагаю вам вариант, при котором никто не страдает, пока дело не прояснится. Думаете, тот, кто это сделал, вылезет из укрытия и замашет руками, как только пойдет следствие? Нет! Пострадает кто угодно, но только не виновник! Сами подумайте, — яростный шепот немного смягчился, — вы можете сломать множество жизней из-за человека, которого никто, вероятнее всего, не ищет, иначе об этом было бы слышно на каждом углу. Сопоставьте факты, подумайте логически: с восьмидесятипроцентной вероятностью эта девушка — обыкновенный коматозник. Она ровным счетом ничего о себе не знает и не помнит, и ей, кажется, прекрасно! Я не убеждаю вас не говорить ей правду, но и делать это не тороплю. Все нужно решать по мере поступления. А пока что я могу...

— Вы не имеете никакого права решать за меня.

— ... могу исключить из системы повиновение, — с нажимом закончил Итан, — и дисфункционировать кнопку пи-

тания. Как минимум это будет гуманно. И да — я не имею права решать за вас, мистер Эйнем, но моим долгом было призвать вас не торопить события, и я его выполнил. Дальше будет так, как поведет вас ваша совесть. Но в случае правильного выбора можете надеяться на мое полное молчание.

Они играли в гляделки всего ничего, но немой диалог отскакивал от них вопросом-ответом, как мячик пинг-понга.

Совесть все еще бунтовала, голова плавилась.

— Что насчет содействия? — Винсент, вероятно, с опозданием осознал, что этим вопросом уже подчеркнул свое решение, но игнорировать все имеющиеся варианты было бы большим расточительством. — Не говорите, что оставите меня разбираться с этим самому. Я до сих пор не уверен, что хоть как-то просуществую с ней рядом даже несколько часов.

Итан неуверенно, но тем не менее кивнул.

— Узнаю про нее все, что в моих силах, мистер Эйнем. Что до дальнейшего... Если все же захотите подключить официальные органы, то советую сделать это сейчас. Понимаете, в данный момент девушка значится в документах как товар, вы — как его владелец. Ее отправят на официальное медицинское освидетельствование, а когда окончательно выяснится, что она человек, вы и компания как минимум будете рассматриваться под статьей работорговли, и если за эксперимент ответственны не все, то прошедшие несколько дней девушку использовали в личных целях вы и только вы. Своевременное заявление снизит вероятность того, что вы...

что мы с вами попадем под раздачу разбирательства. Если захотите заявить позже, то будьте готовы к ужесточенным мерам. Но, наверное, самое неприятное состоит в том, что на решение потребуется время. Но что бы вы ни выбрали, обязательно предупредите об этом меня. Я дам вам свои контактные данные.

Итан не лгал: для начала он сделал все, что в его силах, в пределах этих четырех стен. Винсента поражало, что при смелых и резких убеждениях касаясь ситуации мистер Атенхейм умудрялся совершенно спокойным и дружелюбным образом взаимодействовать с источником проблемы. Он сказал Эдит: «Нам нужно выключить тебя на пару минуточек», и его ладонь почти мягко, словно с заботой детского хирурга тронула ее затылок.

Все прошло быстро: с помощью спецпрограммы и беспроводной сети Итан выполнил обещанное, в процессе поговаривая что-то о вреде подобного взаимодействия мозга и инородной системы. Винсент отдаленно понял, что он говорит о возможных диссонансах на почве настоящего и принудительного сна, однако все его мысли были там — через несколько минут, когда его оставят одного, наедине с размышляющей перед ним с каждой секундой черной дырой.

— Она считает, что синтетиков полностью растят в пробирке, а потом наделяют их чувствами с помощью системы. — Перед уходом Итан на мгновение замер у двери. — Выбор — две крайности, и я бы советовал вам придерживаться

одной из них. Вы понимаете, о чем я? Либо она знает, либо нет. Середина будет неоправданным риском только лишь ради слабостей и поблажек.

Несмотря на пространность, Винсент словно со вспышкой, пришедшей откуда-то извне, осознал, скорее абстрактно, чем понятийно, что значит этот призыв.

Он долго стоял у дверей и, несмотря на бешеный поток мыслей, не мог думать ни о чем. Среди гаммы ощущений и эмоций он с трудом, но все же выцепил ту, что стала потрясением, — иррациональное отторжение.

Интересным было то, что для Эдит... ничего не изменилось. Только поблагодарила за дисфункцию кнопки питания, сказав что-то про нелегальные действия, которые нужно занести в список вещей из разряда *mustdo*. А Винсент смотрел на нее, смотрел, смотрел и не знал, что делать дальше. По его дому ходил совершенно незнакомый ему человек, а он должен был хотя бы попытаться сделать вид... что все нормально? Что давать какие-то указания по-прежнему в порядке вещей? Что он не вздрагивает каждый раз, когда они в одном помещении? А он вздрагивал, вздрагивал до оледенения внутренностей, как не дай Бог познать кому-то другому.

У Винсента было много вопросов, которые он просто не смог сформулировать вовремя и которые пришли к нему довольно поздно. Он привыкал с трудом. Только на третий день, до которого он как-то дожил, умудряясь спать по три-четыре часа, он осмелился заговорить о чем-то, что исклю-

чало сухие, сквозь нехотя, «принеси-подай».

— Что ты знаешь о себе?

Эдит, лениво расставляющая посуду и вообще часто позволявшая себе отвлекаться, что теперь казалось вообще из ряда вон, обернулась через плечо.

— Снова хочешь услышать стандартное приветствие? — она ответила с достаточным задором, чтобы дальше можно было беспрепятственно прощупывать почву. — Только в этот раз не обещаю такого же стандартного занудства.

— Я не имею в виду приветствие. Я имею в виду что-то, чего не может знать кто-то другой. Что-то личное.

— Ну... — Эдит поставила последнюю тарелку в шкафчик и всерьез задумалась. — Ничего не приходит в голову. Обычно, когда задают такие вопросы, это ставит в тупик.

— Откуда ты знаешь? Откуда ты вообще знаешь все то, что знаешь?

— Просто знаю и все. Это как... как будто всегда было. Не знаю. — Пожав плечами, Эдит отвернулась, возвратившись к кухонным делам, и на ее лице уже не было прежней задумчивости, словно ей удавалось отпускать даже самую тяжелую мысль с легкостью, в свободный полет. Она думала о чем-то своем, а потом вдруг опять обернулась, облокотившись о тумбу позади. — Можно я выйду на улицу?

Винсент оказался немного сбит с толку.

— Зачем?

— Сегодня красивый закат. — Эдит посмотрела за окно

и смущенно потупилась. Черт возьми, смущенно. Наверное, Винсент никогда к этому не привыкнет.

— Да, конечно, — ответил он бездумно.

Весь этот разговор был хорошей попыткой разузнать хоть что-нибудь. Пазл начал собираться, когда однажды приехала Тесса. Она с мужем оставила на Винсента какую-то вялую на вид девчонку, потому что они спешили куда-то по делам в центр, а из-за неожиданно большого количества приобретенных покупок в машине не хватало места, так что они обещали потом заехать за ней. Винсент не успел осознать, как буквально через десять секунд Тессы и след простыл, а в середине комнаты уже стояла большеглазая кукольная моделька, разодетая в джинсы и футболку. Сестра как-то упоминала, что терпеть не может придуманную для синтетиков форму.

Эдит как раз вышла откуда-то из ванной и была приятно удивлена, увидев незнакомого гостя. Она обрадовалась, как пятилетний ребенок.

— Привет. Я Эдит, а ты? — В ход пошла приветливая улыбка и вежливо протянутая для пожатия рука.

Синтетика Тессы звали Сара. Эта самая Сара смотрела на нее в упор, но словно ничего не видела. Казалось, в возникшей тишине можно было услышать активно работающие механизмы в ее рыжеволосой голове, которая дернулась на секунду, а потом вернулась в прежнее положение. По какой-то причине она ничего не отвечала.

— Ладно. — не теряла надежды Эдит и с явным весельем предприняла еще одну попытку. — Я модель под номером Y3582. Теперь твоя очередь. Это легко.

Сара никак не восприняла добрый жест и продолжала быть неподвижной и безмолвной.

— Нет? — Эдит пришлось опустить руку. — Видимо, нет. Без обид, но ты странная. Но это ничего, — ободряюще заметила она. — По-моему, быть странным совсем неплохо. А! Твои хозяева просто не скинули заводские установки.

Таким образом Винсент стал свидетелем появления занимательного факта. Фактов, если точнее: Сара не воспринимала Эдит, а Эдит в свою очередь воспринимала ее не так. Жутко на самом деле, но Винсент старался не думать об этом лишний раз.

— Что для вас, синтетиков, значит сбросить заводские установки? Напомни, — попросил он в следующий раз как бы между делом: Эдит заканчивала взбивать подушки дивана в гостиной, а Винсент только начинал (больше для непринужденного вида) переставлять на полке шкафа всякие личные мелочи, которые мог переставлять только он.

Эдит на мгновение застыла с подушкой в руках, немного поразмыслив.

— Имитация человеческого поведения, — уверенно ответив, она наконец пристроила подушку на место. — Как раз то, что я делаю сейчас. Учитывая также имитацию чувств и ощущений, для нас такое поведение даже естественней.

Винсенту хотелось и смеяться, и плакать. Пара его слов, один только разговор способен был разбить очки неверного видения. Разбить, растоптать, а потом оставить девчонку с этими осколками. Эдит не понимала, насколько ее уверенность была ошибочна, насколько сильно она обманывалась, насколько сильно покопались в ее голове, заставив принять на веру какой-то прописанный ничтожный код, диктующий мнить себя не тем, кто она есть на самом деле. И, Иисусе, понял Винсент, с учетом знаний Эдит о себе, она, должно быть, видит картину, искаженную в разы, где человек вырос-тил в пробирке послушных ему рабов, — и ладно бы Эдит всерьез была обеспокоена этим, но нет. Было логично предположить, что без памяти, без имени, но с установкой «хозяин — прислуга» она не будет знать и помышлять о другой жизни, но Винсент не мог наблюдать, как та совершенно спокойно воспринимает все как должное.

Большую часть времени Винсент проводил в ощущении растущего и не отпускающего мандражного напряжения. У него была тысяча и одна причина протянуть руку к телефону и позвонить куда следовало. Позвонить и рассказать. Быть честным. Быть хорошим гражданином. Но если между всем этим безумием где-то было место гуманности, то она явно не определялась намерением испортить чью-то жизнь. В горькой задумчивости Винсент мог задавать себе кучу вопросов и подбирать Эдит сотни имен, гадая, каким из них ее могли раньше звать, а потом вспоминал, что незнание для Эдит —

пилюля счастья. Она не знала и просто жила. Винсент хотел бы видеть в своем молчании что-то одно, — или малодушие, или милосердие — но маятник его мереканий подавался от одного конца к другому, и тут он понял, что его моральный компас впервые работает с такими перебоями.

Он действительно не знал, как продержался несколько дней. Этого было достаточно, чтобы утвердиться в окончательном намерении сдать девчонку куда надо. Вот так просто. Молчание никогда не было хорошим проводником в делах, касающихся выбора нравственности, и уж тем болеев делах на грани игр с чужой жизнью и законом.

Или оставить ее при себе? Да, оставить и жить припеваючи и в безопасности — моральной для девчонки и физической — для него самого. Какое-то время они будут привыкать друг к другу, притираться, возможно, Винсент обзаведется периодической тахикардией на фоне нервных всплесков, но потом, потом ведь все наладится. Потом, немного погодя, он расскажет Эдит правду, и тогда жизнь вернется в прежнее русло. Не самый дурной план.

Жаль только, что Винсент осознавал: желание и план — штука гипотетическая.

Сосредоточить внимание на работе было самым разумным. Винсент готовился к этому, как к какому-то ритуалу: послушал тишину, сидя на диване, закрыл глаза, освободил мысли, в закрепление результата выпил чашку зеленого чая. Как только он сел за печатную машинку, что-то

словно щелкнуло его по носу, сбивая приобретенный в течение дня настрой. Еще не время, успокаивал он себя, нужно еще немного подождать, набраться, так сказать, вдохновения. В последний раз он использовал это наивное и воздушное слово еще будучи юнцом, а потом вдохновение перестало кого-либо интересовать — куда важнее были работоспособность и производительность. Иногда он думал, что не «смена полюсов» подкосила его творчество, а он подкосил себя сам, разменяв чистое, вдохновенное, независимое, живущее своей жизнью под ненавязчивым стержнем пера на зависимое, обусловленное низменным «надо» и напоминающее гонку без точки возврата.

— Ты хоть иногда бываешь не в напряженном состоянии? — За спиной послышался вопрос и скрип кровати, прогнувшейся под тяжестью тела — Эдит свалилась на нее, точно без сил. На деле же это было веселое дурачество, которое Винсент, учитывая свое дурное настроение, предпочел благоразумно проигнорировать.

— Я пытаюсь сосредоточиться, — сказал он. — И буду очень благодарен, если ты не будешь мне мешать.

— По-моему, ты слишком сосредоточиваешься. Ключевое слово — «слишком».

Винсент кинул на нее через плечо суровый взгляд. Эдит лежала, закинув согнутую ногу на ногу, а руки — за голову.

— Тут все не так работает, как ты думаешь.

— Да ну? — с азартом вступила в пикировку Эдит. —

Мне всегда казалось, ну, знаешь... — Она взмахнула рукой. — Что прекрасные вещи создаются прекрасными порывами, а не... не так.

Винсент вдруг понял, что не может даже нормально разозлиться на разлегшегося на его кровати «специалиста», поэтому проворчал с напускной строгостью:

— Ты пришла, чтобы я дал тебе какую-нибудь грязную работу?

— Вообще-то нет, — призналась Эдит, конфузливо опустив взгляд, словно за этот ответ ее мог кто-то наказать. — Я просто хотела предложить тебе заняться чем-нибудь интересным, — а потом поспешно добавила: — Если ты, конечно, не против.

— Ладно, только дай немного поработать.

Согласие было озвучено не для того, чтобы отмахнуться, а потому что Винсент не видел причины не пойти на поводу у кого-то, кто предлагал перспективу времяпровождения интересней, чем нынешнее.

Эдит послушно не отвлекала его весь следующий час. Когда Винсент в очередной раз с досадой осознал свою никчемность за писательским столом, он всерьез подумал,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.